

Чирпой

Мал, да высокого роста
над горизонта чертой
необитаемый остров
с темным названьем Чирпой.

Серы удушливый запах
носит воздушный поток
утром на северо-запад,
к ночи на юго-восток.

В бухту, от бури боля,
прячешься, не пожалей —
буйным ударом борея
может сорвать с якорей.

Справа пещерно оскален
магмы застывший расплав,
слева — наждачные скалы
из вулканических лав.

Там, где землистые щели
стланику дали приют,
птицы от века не пели,
даже и гнезда не вьют.

Звуки начального слова
о сотворении дней
слышатся снова и снова
в бое обвальных камней.

Строгим лицом равнодушен,
думе безумной не рад...
Что же, как в райские кущи,
тянет тебя в этот ад?

Где безответны молитвы,
мир не в ладу с красотой,
можно искусством ловитвы
корень добыть золотой.

И, в избавленьи от боли,
бросить в зыбучий песок
розовой родиолы
пеплом покрытый цветок.

...Если ты глуп и отважен,
а остального не жаль,
чалься к приливному пляжу,
где залегла литораль.

Коли не сгинешь в прибое,
верный мотор заглуши
и помолись о Чирпое
и о спасеньи души.

Избытые еще во младости,
почти в небывшие года,
какие горести и радости
вспоминаются, когда,

неотвратимостью охваченный,
гляжу в безликий океан.
В нем ничего не обозначено.
Но он — магический экран.

Волнуют волны океанские,
и из беспамятных глубин
всплывают тайны покаянные,
как силуэты субмарин,

что в час несчастный нами брошены
и, не простившие, давно
ушли — и с тягостными ношами,
и с экипажами — на дно...

Бересклет

Отыщу я в лесу бересклет
и в саду посажу. То не дерево,
а соцветие красных планет,
говорящих на музыке стерео.

А когда бересклет посажу,
я познаю язык бересклета
и в созвездия слова скажу
под лучом красноватого цвета.

И тогда я скажу, бересклет,
что на свете есть женщина Света,
по душе ей цветы бересклета.

И тогда напишу я сонет,
как она мне открыла секрет,
что еще моя песня не спета.

NearDeathExperience

Я видел, как в потусторонний мир,
мерцающий стерильной белизной,
входило солнце, в тот начальный миг
казавшись милосердия сестрой...

И я себе сказал: держись, мужик,
ведь все нормально, утро настает,
и не тебе ль оно в последний миг
целительную чашу подает?

О, мечты, смешные фигурки,
воскресайте, дразните, празднуйте!
Еще раз поиграем в жмурки
на дороге, что жизнью названа.

Где-то рядом гремят в ладоши
так заманчиво и навязчиво...

И горят подо мной подошвы.
И глаза у меня завязаны.

Удалянчи

Ты далече? Да я в Удалянчи —
полечить заболевшие пальцы,
и в душе запломбировать течь...
Семь часов из Харбина на север
совершенно отсутствовал сервис,
но включился автобусный сервер,

щебетала китайская речь.
В хмурые мысли вплетался
звукоиероглиф китайца,
и зарубцовывал ранки
словоелей китаянки.

Доктор Лэй поучал в Удалянчи:
где не падаешь — не ударяйся,
но из путаниц выйди на путь.
Даже если окажешься болен,
не показывай мелких пробоин
от нелепых житейских разборок,
повинуйся велениям сур.
От суеты удаляться
и ничему не дивиться.
Что не дано в Удалянчи,
не удалось и да Винчи...

Так и жить бы, в китаях скитаясь,
постигая чужую ментальность
по модальности — ян или инь.
Отделяя от плевел орехи,
в Удалянчи бы ехать и ехать,
оставляя зарубки и вежи,
а на карте искать Сахалин.
Чтобы услышать в итоге
ямбы на ямах дороги...
Нет в Удалянчи иной,
кроме дороги домой.

Так быстро наступали сумерки,
как надвигаются тоннели.
Рекламы так плескали суриком,
что лица встречные горели.

Казалась дружба непреложной
того, кто шел, локтем касаясь.
И ложь была такой надежной,
что не хотелось доказательств...

Ловушка

Был дом как дом, но что-то в нем
меня манило день за днем.
Наверно, я играл с огнем
неосторожно!

Там женщина жила одна.
Она красива и стройна
была, а также и умна,
вполне возможно.

А в доме крыша не текла,
хватало света и тепла,
из бронебойного стекла
мерцали окна.

Однажды мимо я не смог
пройти, поднялся на порог...
Моя одежда, видит Бог,
совсем промокла.

Но, заглянув в зеркальный шкаф,
она дала мне теплый шарф.
Мы выпили на брудершафт,
смежая пальцы.

И не расстались мы с тех пор...
Открыт наш дом, накрыт и стол,
а в телевизоре — футбол...
И я попался.

Желтый шар

Желтый шар, давая фору
городскому светофору,
обозначился по створу
трижды клятой колеи,
уходя все круче, круче
в перламутровую тучу,
как в последнее прилучье,
прочь от сумрачной земли.

Желтый шар внизу оставил
маету дорожных правил,
переполненных отравой,
но еще живущих нас.
Вот он вынырнул из смога
выше крыш, пониже Бога...
А под ним — моя дорога,
в жирных выбоинах грязь...

Желтый шар — сигнал опасный,
ведь совсем еще не ясно,
что зеленый или красный
будут пуцены вослед.

Может, там, куда я еду,
ничего уже и нету...
И не ждут меня к обеду...
Но на то обиды нет.

Желтый шар — предупрежденье
силы трения скольженья
о конечности движенья
из земного виража.
То не по ветру носимый
грустный смайлик Фукусимы,
это русская душа
отлетает не спеша...

На вечную тему

Жил в городском захолустье
один неизвестный поэт.
Искал он в словесном искусстве
на вечные темы ответ.

Собравши наличные деньги,
он сборник сонетов издал.
Но все были заняты делом,
а книжек никто не читал.

И был бы поэт бесполезен,
когда бы не свойство одно:
он, кроме изысканных песен,
игристое делал вино.

И часто за чашкою чая
в кругу всевозможных друзей
читал он стихи, наливая
вино из больших бутылей.

Он гостю выкладывал душу,
а тот улыбался и пил.
И кто бы его ни слушал,
довольным домой уходил.

Ведь было известно поэту,
что, сколько ни лей дураку,
а мудрый уносит по свету
запавшую в сердце строку.

Телепортация

Отразилась в причудах зеркал,
излучилась из фокусов линз
и исчезла... И я не искал,
словно выкройки с тех же лекал,
у прохожих похожести лиц.

Я знаток беспредметных примет.
А заметнее было всего,
что продолжится эксперимент
освоения новых планет
с выселеньем из мира сего.

Где же твой воплотился фантом?
Не найдет и всевидящий Хаббл...
Я и сам-то не помню путем,
что случилось со мною потом,
когда свет притяженья ослаб.

Костер

Когда растаял снег, мы разожгли костер,
и он свой горький дым над нами распростер.

Бросали мы в огонь неприбранную осень,
помятый прошлогодний листопад.

И я, еще живые, в пламя бросил
свои сомненья, — пусть они сгорят!

Я сжег в костре без зла и сожаленья
все, от чего отрекся во спасенье...

Вдыхая дым костра, небесный и земной,
мы выпили до дна, что принесли с собой.

А я смотрел в огонь, невольный инквизитор,
и осень мне костром карающим грозила.

Не поминайте лихом!
Поют снега да мхи,
что жизнь — она без рифмы,
как белые стихи.

И в ледяном заливе
мне видится вдали:
темны, несуетливы
на рифах корабли.

Им в трубы дуют вихри
всех четырех стихий,
что смерть — она без рифмы,
как белые стихи...

А я в своей отчизне
холодной не сберег
себя от смертной тризны
невывказанных строк...

Не поминайте лихом!
Пишу в черновики,
что жизнь — она без рифмы,
но в жизни есть стихи.

Моя родня

Казною — от сирот казанских,
душой — от степных ездовых,
глазами — от дев куртизанских,
мозолями — от мужиков.

По метрике — не от варягов,
хотя невозможно и знать,
с пропиской — из дымных барачков,
которых чурается знать.

Богатство имеем от бога.
То золото — не от царей...
А если подумаем строго,
то и не от секретарей.

У пожара

Обуглены безглавые углы,
еще не все погашены угли,
и тайным жаром угрожает пепел...
А небосвод и холоден, и светел.

И холоден, и светел небосвод,
и пуст, как незаполненный кроссворд.
Но пусть его строка по вертикали
не совпадет с твоей в горизонтали.

Болид

Ты говоришь, не остыла,
и неизбежно болит
неосторожная сила,
в землю ушедший болид.

Зрелища яркого взрыва
не было, метеорит,
словно столкнули с обрыва,
сбит с неизвестных орбит.

Пламя без света и дыма,
то, что не всякий узрит,
с глиною несовместимо,
в небо уйти норовит.

Близится неотвратимо
время, когда улетит
то, что в тебе невреждено,
в свой светоносный Аид.

...В непостижимости странствий
больше не вспомнишь о той,
с кем обнимался без страсти
в темной постели земной...

И обожженная глина
палеолитовых плит
в мягких горах Као-Лина
облик твой не сохранит.

Муза

За то, что даром ты не нужен,
свой гонорар получишь в срок...
Но обворованная Муза
разрубит мнимый узелок.

И не кажи мне доказательств.
В минуты горя, в час любви,
как ты, такие с ней не знались —
и не зови и не лови.

Не приходи с ревнивой бранью,
обложкой не маши цветной...
Ты связан с ней фиктивным браком,
но — фиг! — живет она со мной.

Не сетуй ни во сне, ни наяву,
что жизнь тебя, как женщина, забыла,
как будто никогда и не любила.
Не посылай проклятий никому,

мол, жизнь ушла и в отческом дому
наградами тебя не одарила,
не ставила у вольного кормила
и слову не внимала твоему.

Нет, ты навек причастен ко всему,
что ум твой возмущало и пленило,
что составляло суть и облик мира,
и соль морей, и неба синеву...

Когда же ты оставишь все, что было,
оставь и подпись, верную к сему.

Река

Укатилась река.
Осыхают пустые причалы.

Обмелела река,
словно воду — и ту! — откачали.

По реке босиком
сопленосое носится племя...

Залетев высоко,
бумерангом вращается время...

Но желания нет
повернуть от конца до начала.

Полноводием лет,
Не рекою меня укачало.

Я иду по реке,
и куда ни ступи — по колению...

И уйду налегке,
как солдат из чеченского плена.

Ирис

На круглых клумбах,
на щебне или
на щедром иле —
здесь жили-были
цветы, а ныне
стоят полыни.

Жильцы уплыли
по белой пене
в соленой пыли.
И пышных пиний,
и точных линий
нет и в помине.

Но что ты ищешь
на пепелище
тысячелистом?
Пройти бы мимо,
да нету силы,
цветок мой синий.

Другой поселок
у моря вырос,
в распадки вылез.
Мы в новом мире
в песке и в гнили
цветы взрастили.

И мы забыли,
да, извинили,
что изменили...
Но хлынет ливень
и вспомню имя
твое,
о, Ирис.

